

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INTERCULTURAL COMMUNICATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

УДК 39

А. Н. Садовой

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ АЛЯСКИ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье на основе полевых материалов автора и работ американских исследователей дана оценка уровней межкультурной коммуникации в среде коренного населения Аляски (США).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, гвичины, атабаски, алеуты, национальная политика США.

A. N. Sadovoy

ALASKA NATIVES: PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article based on field data of the author and the work of U.S. researchers assesses the levels of intercultural communication among indigenous people in Alaska (USA).

Keywords: intercultural communication, Gwich'in, Athabaskan, Aleut, U.S. national policy.

Специфику межкультурной коммуникации в среде национальных меньшинств российского государства можно проследить только в контексте ее сравнения с зарубежной практикой. В какой-то мере выявление этого феномена способствует снятию остроты современных дискуссий о преимуществах форм государственного устройства, политического режима и идеологических установок в решении национального вопроса государствами, прошедшими в течение XX в. этап модернизации. Признание традиционности (вариант детерминирующего характера) межкультурной коммуникации позволяет

более осмысленно искать пути нейтрализации межэтнического противодействия. Культурный обмен выступает в качестве регулятора социальных противоречий для конкретных этнических групп временных интервалов.

В соответствии с предлагаемыми методологическими принципами проблему межкультурной коммуникации коренных этносов Аляски (США) предлагается рассматривать на примере ситуации, сложившейся в трех сельских анклавах, в которых автор проводил полевые работы в 1997 г. и 2001 г. Это резервация Винита (верховья р. Чандалар), деревенские корпорации

Минто (бассейн р. Минто) и о. Кодьяк. Исследования проводились при финансовой поддержке программ Fulbright и JFDP.

Мы не претендуем на то, что тенденции, прослеженные нами по двум группам атабасков (гвитчин, танана) и одной группы алеутов репрезентативны для территории Аляски в целом. Их можно рассматривать в качестве рабочих гипотез, очерчивающих отдельные проявления национальной политики США и реакцию на нее со стороны коренного населения. Связано это не столько с достаточно высоким уровнем проработки этой проблематики в американской историографии, но и с тем, что в процессе развития национальных анклавов Аляски отрабатывались *разные варианты* интеграции автохтонного населения в «цивилизованное общество». Это определило и различия форм связи, направленных на общение, передачу информации между различными этническими группами и социальными институтами. Прослеживается иерархическая соподчиненность этих связей: взаимодействие этнических групп с органами федеральной и муниципальной власти (правовой уровень коммуникации),

- взаимодействие этнических групп с торговыми фирмами (экономический уровень),
- контакты с пришлым населением (экономический, культурный),
- контакты на уровне родственных или межэтнических связей (культурный, политический).

Интерес представляет то, что в зависимости от исторического периода и района Аляски один (два уровня) могли выступать в качестве детерминирующего фактора, определяющего характер межэтнических отношений. Посмотрим на эту проблему в ретроспективном аспекте.

То, что решение национального вопроса на территории Аляски не входило целиком в компетенцию местных орга-

нов власти, отчетливо прослеживается еще в конце XVIII в.: уже с 1789 г. право регуляции торговли с индейцами было в компетенции исключительно Конгресса, управление – Secretary of war. Предоставление Президенту США согласно Indian Removal Act 1830 исключительного права заключения договоров с индейцами об «уступке» земель суживало возможности региональных чиновников вмешиваться в повседневную жизнь коренного населения. Правовые гарантии сохранения земель коренного населения давались и при приобретении Аляской статуса штата (Statehood Act). Таким образом, прослеживается не только тенденция размежевания земель автохтонного населения и «белых» переселенцев, но и претензия государства на *регуляцию* межэтнических отношений, включая межкультурные коммуникации. В правовом аспекте государство выстраивало отношения с автохтонным населением как *суверенными нациями*. И это происходило в условиях, когда у большинства этносов не были завершены процессы этнической консолидации. Большинство мини-общин (bands) атабасков, включая группу гвитчин (р. Чандалар) и танана, вели кочевой образ жизни охотников и рыболовов. Институт земельной собственности (частной, племенной) у них отсутствовал [2; 12; 16; 17; 20]. В связи с этим факт признания особого статуса коренного населения органически сочетался с общепринятыми установками об *исключительно низком уровне социо-культурного развития*. Этим активно пользовались торговые фирмы, навязывая неравноценный обмен и спаивая население. Межэтнические браки рассматривались в качестве мезальянсов и не принимались в качестве «равноправных». Межкультурные коммуникации между этническими группами автохтонного населения и этносами в XVIII – начале XX в. были развиты достаточно слабо. Традиционные формы обмена с приходом

«белого» населения и истощением промыслов в золотодобывающих районах были нарушены, а серьезные различия в уровнях культурного развития тлинкитов, эскимосов, алеутов и атабасков не способствовали этнополитической консолидации.

Курс на планомерное распространение «цивилизации» в среде автохтонного населения Америки прослеживается с создания в 1819 г. особого *государственного* фонда. Причем в качестве классического проявления «нецивилизованности» индейцев признавался факт *сохранения традиционных потестарных институтов и норм обычного права при регуляции социальных (в том числе и земельных) отношений*. В силу этого автохтонное население Аляски после акта продажи этой территории Россией, попав под законодательство США, автоматически снизило свой правовой статус и до 1924 г. natives не имели гражданских прав [1, с. 56].

Подтверждением «цивилизованности» (прав гражданства) являлся акт «обретения» частной земельной собственности. Эта возможность формально предоставлялась государством представителям автохтонного населения согласно «Allotment Act» и «Native Townsite Act». В первом акте, датированном 1870 г., выдвигался тезис о том, что одним из основных принципов интеграции индейцев в цивилизованное общество является введение правовых норм частной собственности. При этом вхождение в систему племенного самоуправления являлось одним из наиболее существенных маркеров нецивилизованности индивидуума [8, с. 58–59]. Для получения гражданства необходимо было разорвать связи со «своим» народом, став фермером.

Механизм распада этих связей выражался в выделении на каждого взрослого человека по 80–160 акров земли (в пределах 40–80 га) с перспективой отчуждения остальных земель в колониционный фонд. Это явно не способствовало улуч-

шению межэтнических отношений или формированию лояльности по отношению как к государственным институтам, так и «белым» переселенцам, претендующим на этническую территорию. Во втором акте, датированном 1926 г., отработывался правовой механизм землеустройства поселков коренного населения с выделением регистрационных актов. Размежевание земель должно было проводиться по деревням, участкам, кварталам, улицам с перспективой выделения индивидуальных участков. При этом право полной частной собственности на эти участки не распространялось, их нельзя было не только продать, но и обобществить в интересах этнической группы в целом. Контроль за земельными сделками, затрагивающими интересы жителей поселков, осуществлялся правительством.

С одной стороны, оба нормативных акта, как и Alaska Native Allotment Act 1906 г., были направлены на правовое закрепление за автохтонным населением осваиваемых земель, *закрывая* их, по мнению американских исследователей, для остального населения Аляски [5, с. 54; 8, с. 134]. С другой стороны, они являлись ярким маркером стремления государства разрушить все традиционные социальные институты, прервав традиционный характер внутригрупповой и межэтнической коммуникации.

Следует отметить, что эта попытка вмешательства во внутренний уклад жизни населения, столь похожая на российский курс создания колхозов и фермерских хозяйств, была обречена на провал. «Нецивилизованным» национальным меньшинствам стало сразу ясно, что этот путь ведет к ликвидации политической идентификации по этническому принципу, традиционных потестарных структур и распаду традиционной культуры. Тех последствий, которых в условиях демократического политического режима и практики правовой защиты интересов малочисленных

социальных групп (minorities) со стороны федеральной власти, можно было и избежать. Это хорошо прослеживается в том, что стремление государства ввести коренное население Аляски в систему правовых отношений на общих с остальным населением основаниях приводило не к развитию межкультурных коммуникаций с переселенцами, а к их ограничению.

По своей сути ни один из вышеуказанных актов XIX – начала XX в., целью которых являлось землеустройство, не оказал существенного воздействия на жизнь обследованных нами групп (гвитчин, танана). За многовековую историю опромышления своей этнической территории эти группы никогда не находились в системе прямого государственного управления. Здесь никогда не было факторий ни русских, ни американских переселенцев. Индейцы осознанно ограничивали межкультурные коммуникации на протяжении двух столетий. Ситуация эта фактически сохранилась до настоящего времени [2; 3; 6; 10; 12; 13; 16; 21]. В силу этого можно говорить и об исключительно внутренних (имманентных) причинах смены образа жизни и перехода на оседлость. У атабасков эти процессы начались в 1930–1940-х гг. и определялись *укреплением* межкультурной коммуникации на уровне «местные общины – федеральные органы власти». В отдельных случаях – на уровне взаимодействия с администрацией штата. И только на индивидуальном (посемейном) уровне – с торговыми фирмами и переселенцами.

История создания первых населенных пунктов связана с постройкой складских помещений, церквей и школ, осуществляемых гвитчинами *по своей инициативе*. Статус охотников, начавших строительство, согласно исторической традиции заметно повышался. Так траппер и торговец Христиан в 1909 г., построивший *первую* хижину д. Арктик виллидж, шаман, траппер и торговец Альберт Тритт, *первым*

принявшем христианство, ставший диаконом (епископальной церкви), оставивший после себя благоустроенные тропы с Фортон Юкон, загоны для охоты на карibu, *первые* церкви и школы, вошли в историческое предание как вожди – chiefs [2, с. 44–45]. Необходимо отметить, что *именно епископальная церковь и школы стали консолидирующим фактором, постепенно приведшим население к оседлости*. Все последующие священники были индейцами. Службы велись на национальном языке по Библии (Takudh Bible), опубликованной в 1898 г. архидиаконом Робертом Мак Дональдом.

Состав поселков, выстраиваемых индейцами вокруг церквей, постоянно менялся: гвитчины продолжали вести кочевой образ жизни, останавливаясь в них только на несколько месяцев [19, с. 47; 12, с. 20; 16, с. 10]. Ситуация стабилизировалась только в 1970–1980-е гг., и связано это было с резким снижением доходности промыслов. Основным источником формирования семейных бюджетов стали социальные выплаты и доходы от этнографического туризма. Все это привело к формированию сельской общины, с характерными для нее укладом жизни и системой социальных связей. Повысилась заинтересованность в получении хорошего образования. Уже в первые десятилетия после создания поселка помимо церковного совета, стал образовываться совет деревни, взявший под контроль обучение детей. Первый учитель и первая школа появились в 1935 г. в п. Винита. Именно с практикой оплаты труда учителей связаны и первые попытки формирования бюджета поселка за счет внутреннего обложения. Первый внутренний налог по 10 долларов с семьи шел на оплату труда учителя. В 1962 г. Бюро по делам индейцев за счет федерального бюджета построило новое здание школы современной планировки в пос. Виниту, позже и в д. Арктик виллидж [2, с. 45–46].

Дополнительным фактором, ускорившим процесс отказа от традиционного образа жизни и перехода на оседлость, стала и идея правового закрепления для будущих поколений своих земель. Опромышляемые гвигчиными р. Чандалара земли в течение 1940–1970-х гг. имели статус резервации. Правовой статус резервации на Аляске имел существенные отличия в сравнении с Центральной Америкой. С инициативой выделения земли под резервацию в этом штате *всегда* выступало коренное население, но никак не федеральные власти. Создание резерваций проводилось на основе принятого Конгрессом в 1936 г. решения распространить действие Indian Reorganization Act (1934 г.) на территорию Аляски. Причины организации резерваций были определены достаточно четко Секретарем Департамента внутренних дел г. Икесом: *идентификация органов самоуправления на основе выделения земель, определение географических границ для территориальной юрисдикции «племенных правительств», защита экономических прав индейцев* [8, с. 101]. Последующие десятилетия показали, что мотивация не имела чисто декларативного характера. В период 1936–1943 гг. было организовано 23 резервации с площадью от 17 до 1 480 тыс. акров земли. Жители деревень Арктик виллидж и Винита входили в число тех, кто рискнул идти этой дорогой, организовав в 1940 г. племенное «правительство» и закрепив за собою в 1943 г. 1 480 тыс. акров земель. За пределами резервации осталось 3 400 тыс. акров, освоенных ранее [21, с. 108–117]. В рамках резервации сохранилось традиционное судопроизводство и стало развиваться национальное самоуправление. У населения появилась уверенность в том, что органы самоуправления позволят оставить для будущих поколений земли и возможность стать собственниками всех природных ресурсов, включая и подземные.

Отношения с властью штата эта позиция не укрепляла, территория для белых «переселенцев» и предпринимателей была осознанно закрыта.

То, что все индейцы Аляски реально ставили проблему обособления от переселенцев, *сохранения института общественной собственности и самоуправления* прослеживается в том, что к 1950 г. около 80 национальных деревень (не менее 30 %) подали заявки на организацию резерваций. Все они получили отказ от Конгресса США. В значительной мере это обуславливалось и воздействием СМИ, сформировавших «общественное мнение», направленное против резерваций. Их было предложено рассматривать как формы государственного устройства, отражающие расовую сегрегацию и дискриминацию [5, с. 88; 8, с. 99–102]. Аргументация была исключительно слабой, тем не менее *интересы* национальных деревень были проигнорированы. Это достаточно примечательный факт, показывающий, как действующие «коммуникационные сети» могут быть ориентированы не на развитие, а на ослабление собственно межэтнической коммуникации и осложнение межэтнических взаимоотношений.

Реакция была незамедлительной и прогнозируемой. Требования провести земельную и административную реформы выступили в 1960–1970-е гг. *этноконсолидирующим фактором* [9]. Эта идея сплотила созданные национальные ассоциации атабасков, алеутов, эскимосов, тлинкитов. Многовековая традиция внутренних конфликтов была прервана. Этнополитические процессы определили и формирование устойчивой сети межкультурных коммуникаций. В 1966 г. в результате акции Alaska Federation of Natives, общественно-го объединения ассоциаций индейцев, алеутов и эскимосов, передача федеральных земель штату была приостановлена. Сформировалась политическая платформа на-

ционального движения, стержнем которой были требования отвода земель и выплаты компенсации за использование земель коренного населения. Этот курс поддержали нефтяные корпорации, заинтересованные в регуляции межэтнических отношений. В 1971 г. был принят «Alaska Natives Claims Settlement Act» [22]. Было проведено землеустройство по поданным со стороны коренного населения заявкам. Величина надела зависела от численности населения в поселке. В результате было передано бесплатно 40 млн акров с выплатой компенсации в размере 962 млн долларов. Выплаты компенсаций были взаимосвязаны с доходами, получаемыми от продажи аляскинской нефти [7, с. 26–108; 5, с. 94–213]. Этот акт касался всех граждан Аляски, которые по сертификатам могли подтвердить, что имеют 25 % крови индейцев, алеутов или эскимосов. Все они считались акционерами деревенских корпораций, обладающих правом собственности на ресурсы поверхности земли. Деревенские корпорации объединялись в 12 региональных корпораций, контролирующих полезные ископаемые и распределение компенсационных платежей.

Интерес представляет, что объединение в региональные корпорации десятков малочисленных этнических групп изменило направление и динамику межкультурных коммуникаций. Это привело к стиранию отличий в материальной и духовной культуре между родственными группами. Уклад повседневной жизни стал меняться повсеместно, приобретая более «цивилизованный характер». По этому пути пошли общины танана (д. Минто) и алеутов (о. Кодьяк). Как итог, специализация первой общины пошла по линии развития этнографического туризма, создания сувенирной продукции, трапперства, второй – по линии развития таких отраслей, как рыболовство и деревопереработка. Современный уровень межкультурной коммуникации этих общин на время обсле-

дования был достаточно высок. Они были сориентированы на укрепление контактов по всем линиям: федеральный центр, власти и социальные институты штата, приезжие (туристы).

Позиция гвйтчин р. Чандалар в определении стратегии своего развития была несколько иной. В решении земельного вопроса она определялась тем, что большая часть этнической территории получила статус резервации. В это время население обеих деревень не превышало 600 человек, на которых по земельным нормам должно было приходиться около 140 тыс. акров (70 тыс. га). Согласно же акту 1971 г. получить правительственную компенсацию можно было в случае *отказа от большой части земель, выделенной под резервацию ранее* (1 480 тыс. акров – 700 тыс. га). Жители сделали свой выбор в пользу земли, отказавшись от компенсации, оставив за собою право на участие в социальных программах. Резервация была включена в региональную корпорацию Doyon Limited. Принципиальный отказ от компенсации был знаковым явлением, подняв социальный статус жителей резервации в среде автохтонного населения Аляски, включая и ее канадскую часть. За д. Арктик виллидж закрепилось название «последнего рубежа» (last frontier) в защите традиционных прав и привилегий от экспансии «культуры белых». Все это, несомненно, наложило отпечаток и на стремление ограничить контакты с миром «белых» на уровне межличностного и межгруппового общения. Любимым вопросом к приезжему у местных жителей с 1960-х гг. является: «Когда Вы от нас уедете?».

Отношение к органам власти штата определялось во многом тем, что нормативные акты последующих десятилетий в значительной мере были направлены на *упрочение* позиций органов самоуправления. The Indian Self-Determination and Education Assistance Act 1975 г. определил уровень ответственности племенных пра-

вительств в расходе средств, получаемых по федеральным социальным программам, выведя их из-под прямого администрирования Бюро по делам индейцев (BIA), Индейской службы здравоохранения (IHS). The Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA) определил порядок регуляции охоты и рыбной ловли в созданной системе национальных парков и заказниках (wildlife refuge). В меморандуме президента Б. Клинтона 1994 г. главам исполнительных департаментов и агентств 24.04.1994 г. были подтверждены принципы федеральной политики уважительного отношения к *суверенитету* племенных правительств. Было запрещено принятие нормативных актов, затрагивающих этнические интересы без предварительного их согласования с племенными администрациями [9]. Правительством осуществляется и поддержка жителей национальных поселков (вплоть до продовольственной). Фактически мы имеем дело с ситуацией, когда национальная принадлежность превратилась в основу для *привилегированного статуса* (элементы сословности), подкрепляемого федеральным центром. Сохранение традиционной культуры стало политическим фактором, а укрепление межкультурной коммуникации между этническими группами, представляющими

ми этнические меньшинства, – средством сохранения этого статуса.

Полевые материалы и анализ историографических источников показывают, что попытки ввода в общественное сознание охотников принципов римского земельного права, интеграции в культурное пространство «белого» человека потребовали значительно больше времени, чем ожидалось и дали непрогнозируемые результаты. Традиционные системы жизнеобеспечения коренного населения показали как правительству, так и населению Америки в целом, что они обладают значительной устойчивостью. Национальная проблема не исчезала, а перешла исключительно в плоскость регуляции межкультурных коммуникаций. В этих условиях сохранение традиционных социальных институтов, культуры, сепаратистских тенденций по отношению к администрации штата и органам местного самоуправления «белого большинства», расширение прав организующихся органов местного самоуправления стало считаться меньшим злом, чем стирание культурных отличий и формирование очагов межэтнической напряженности. Межкультурная коммуникация окончательно оформилось в качестве основного регулятора межэтнических отношений.

Список литературы

1. Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В. А. Тишков. – М.: Наука, 1990.
2. Садовой А. Н. Полевой дневник экспедиционных работ на Аляске. 1997 г. 75 л. 30 рис. 3 схемы.
3. Alaska Bureau of vital statistics. 1995 Annual Report. – Juneau, 1995.
4. Andrew E. F. Report on the cultural resources of the Doyon region, central Alaska. Anthropology and Historic Preservation, Cooperative Park Studies Unit, University of Alaska. – Fairbanks, AK. – Occasional paper No. 5. – Vol. 1.
5. Robert D. Arnold. Alaska Native Land Claims. – Anchorage, 1976.
6. The Athapaskans: Strangers of the North. An international traveling exhibition from the collection of the National Museum of Man, Canada, and the Royal Scottish Museum. – Ottawa, Canada, 1974.
7. Gerald A. Mc Beath., Thomas A. Morehouse. Alaska native self-government (study for Department of Indian and Northern Affairs. – Ottawa, Ontario, Canada 1978.

8. Davids. Case Alaska natives and American laws. – Fairbanks, 1997.
9. Gaer Lisa. Indigenous Self Determination in the Circumpolar North. 1993.
10. Gagnon Paul L. Report on Village of Arctic village. Alaska Rural Development Board. – Junea, Alaska, April, 1959.
11. Frank W. Kearns. Report of the technical and economic feasibility of establishing a sawmill operation at the native village of Minto, Alaska University of Alaska College, February 11, 1965.
12. Mc Kennan, R. The Chandalar Kutchin. Arctic Institute of North America Technical Paper, 1965. – No 17.
13. Osgood Cornelius. Contribution to the Ethnography of the Kutchin. Yale University Publication in Anthropology. – New Haven, 1970. – No. 14.
14. Richard K. Nelson. The athapaskaans: people of the boreal forest. – Fairbanks, Alaska Historical Commission Studies in History, 1983. – No. 27
15. Arthur E. Hippler, Stephern Conn. Tradition Athabascan Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of «Bush Justice». Some Preliminary Observations on Structure and Function. – ISEGR Occasional Papers. August 1972. – No. 7.
16. Peter Katherine. Living in the Chandalar Country. – Fairbanks, Alaska Native Language Centre, 1981.
17. Slobodin R. Band organization of the Peel river kutchin. – Ottawa, 1962. – National museum of Canada. Bulletin No. 179. – Anthropological Series No. 55.
18. Slobodin R. Kutchin // Handbook of North American Indians. Subarctic., Washington, Smithsonian Institution 1981. – Vol. 6. – P. 514–532.
19. Stories told by John Fredson to Edward Sapir. – Fairbanks, 1982.
20. Van Stone J. W. Athapaskan Adaptations. Hunters and Fishermen of the Subarctic Forests / Alpine Publishing Company. – Chicago, 1974.
21. Thomas D. Lonner, Stuart Wilson Beard. Arctic village // Sociocultural Assessment of Proposed Arctic National Wildlife Refuge Oil and Gas Exploration. Final report. – Anchorage, 1982.
22. Public law 92–203 92nd Congress, H. R. 10367. December 18, 1971. – Part II «Alaska Natives Claims Settlement Act».